

15 ИЮЛЯ 1954 г., № 197 (13130)

Знаменитый писатель России

Исполнилось ровно полстолетия со дня смерти одного из самых великих наших писателей, и мы, люди XX века, с ясным сознанием все вместе думаем о нем — будь то в Париже или Москве. Весь этот 1954 год — ибо это год Чехова, подобно тому, как 1952 год был годом Виктора Гюго, — мы перечитываем его, вспоминаем его, стараемся измерить его значимость.

Прогрессивные еженедельники и журналы «Леттр франсез» и «Эроп» посвящают Чехову специальные номера. Критики, педагоги, театральные деятели, драматурги, актеры славят в них его память.

Чем же мы ему обязаны?

Переводчица Чехова Эльза Триоле говорит, что именно благодаря ему «мы познаем изнутри людей и каждодневную жизнь его времени, видим изнутри былую Россию».

Вот почему вся ирония, светившаяся порой в глазах этого писателя, который со своей бородой совсем бы походил на Золя, если был бы более коренастым и менее насмешливым, не меняет основного цвета его писаний — грустного, как его глаза.

Он сам в них ошибался порой. Автор «Трех сестер» был убежден в том, что написал веселую комедию. Но так как он изображал не вечного человека, а людей своего времени, равно и как несчастье России своего времени, и так как пьесы его и даже якобы «юмористические» повести и рассказы воочию показывали не только отдельных персонажей, но всю социальную действительность, то есть подлинную и видимую причину всех этих смешных и горестных сторон жизни. — зрителю или читателю не хотелось смеяться. Реальность России, реальность русской жизни в период между 1883 и 1904 годами отнюдь не была комической. И потому о Чехове, воображавшем, что пишет волевили, между тем как он создавал раздирающие драмы, можно сказать то же, что Энгельс говорил о Бальзаке, творчество которого он назвал «одной из величайших побед реализма».

В отличие от своих современников-натуралистов Чехов изображает действительность в темных тонах не по личному вкусу и не потому, что таков его метод. Он обращивает мир в цвет времени, в цвет скуки и горя. Но у Чехова есть и другой цвет. Мир произведений Чехова предсказывает будущий мир.

В Париже только что вышел из печати четвертый том полного собрания сочинений

А. П. Чехова с его драматическими произведениями, наконец, переведенными языком, в котором звучит поэзия. В этом новом переводе, в специальных номерах журналов и еженедельников, на собраниях, в речах, отмечающих пятидесятилетие со дня смерти Чехова, мы хотим видеть подлинную весну, возобновление традиций, которую не могла окончательно оборвать тупая, антисоветская глупость.

В самом деле, вот уже на протяжении столетия — я хочу сказать, главным образом на протяжении столетия, так как для полной картины следовало бы вспомнить гораздо более ранние времена, и, по крайней мере, о Пушкине. — франко-русские культурные отношения состоят из обмена и взаимных влияний. Сто лет тому назад наш самый великий музыкант — Берлиоз познал в Петербурге и Москве свою самую громкую славу. Французская музыка была в значительной степени обязана Мусоргскому и его друзьям своим обновлением. В России были созданы прекрасные собрания французской живописи, о чем свидетельствуют музеи Москвы и Ленинграда.

Можно сказать, что дружба, союз обоих народов непрерывно отражались в единении их деятелей культуры. Но никогда мы этому так не радовались, как сегодня.

Ибо этот культурный обмен лучше всего изобличает тупоумие, ненависть, недоверие, вражду, в которых некоторые политические деятели нуждаются для оправдания своей политики. Нуждаются настолько, что уже не останавливаются ни перед какой провокацией, ни перед каким хамством. Прием, оказанный «Комеди франсез» в Москве и Ленинграде, сделал более для мира, чем сотни речей: как вы хотите, чтобы мы ненавидели тех, кто так же, как мы, любит Мольера и Корнеля?

И — точно так же — нельзя любить и почитать Антона Павловича Чехова, не понимая, что Россия, им описанная, что русские, несчастье которых он показал в своих произведениях, должны были превратиться в эту новую страну, в этих новых людей, которых мы видим сейчас.

И мы должны быть еще признательны знаменитому писателю России за то, что он всем своим гением помогает нам лучше понимать историю.

Андрэ ВЮРМСЕР.

г. Париж.

Драматург, которому мы многим обязаны

Лондон сейчас имеет возможность увидеть новую постановку «Вишневого сада». Возможно, что это — самая лучшая постановка пьесы, какую когда-либо видели в Лондоне. Режиссер — сэр Джон Гильгуд; в роли Лопахина — самый популярный английский киноактер Тревор Ховард, госпожу Раневскую играет Гвен Франкоген Дэвис, Гаева — Эсме Перси, Петра Трофимова — Дэвид Мархам, Епиходова — Роберт Эдисон. Это — лучшие актеры, которых только можно найти в столице Англии. Наблюдая на днях их игру, я увидел не только талант актеров, но и их любовь к Чехову.

Чехов стал близок сердцу англичан. Я могу проследить на протяжении своей жизни, как менялись чувства англичан и как мы достигли понимания не только самого Чехова, но и друг друга — через Чехова.

Помнится, когда я еще был в университете, «Вишневый сад» ставился тем же самым театром, которым он ставится сейчас. Было это около 1924 года.

Раньше английские постановщики Чехова попросту вырасывали из его пьес всю лирическую печаль, а это значило, что пьесу показывали в двух, а не в трех измерениях. По мере того как мы лучше узнавали его пьесы, мы открывали в них веселость, остроумие, комедийность.

Английская актерская школа узнала много от русского драматурга, так много, что мы теперь думаем о действующих лицах его пьес не как о русских, а как о нас самих.

Сложные личные отношения, которые создает Чехов, не являются «чисто личными», они показывают нам момент истории — умирание старых социальных отношений и рост новых. Изучение и постановка его пьес породили глубокое внимание к социальной правде.

Я подчеркнул то влияние, какое оказал Чехов на английскую школу игры. И я убежден, что его влияние на актерское искусство было больше влияния какого-либо другого драматурга XX века — я не забываю и о Шоу.

Недавно телевизионная передача «Трех сестер» произвела колоссальное впечатление на многочисленных зрителей. Теперь в Англии люди стали читать меньше, они все чаще смотрят телевизионные передачи, кинокартины, театральные постановки. Мы теперь реже прислушиваемся к молчаливому голосу печатной страницы, но зато мы острее слышим живой голос. Но живой голос должен обладать живыми интонациями. Чехов научил наших актеров говорить живым голосом, потому что он влиял, открывая социальную правду.

Монтегю СЛЕЙТЕР.

г. Лондон.